

ЗАБЛУЖДЕНИЕ КАК НАУЧНЫЙ ФАКТ В НАУКЕ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

© 2015 г. Константин Степанович Бельский¹

Аннотация: в статье объясняется понятие заблуждения, рассматриваются его виды, приводятся конкретные примеры заблуждений в российской науке финансового права.

Annotation: the article explains the concept of misconceptions, discusses his views, specific examples of the fallacies in the Russian science of Financial Law.

Ключевые слова: наука финансового права, искреннее заблуждение, преднамеренное заблуждение.

Key words: science of Financial Law, honest error, willful delusion.

Научная истина: понятие и особенности.

Познавательные способности человека, несмотря на ум, память, воображение, несовершенны; человек (согласно декартовскому выражению) “подвержен бесконечному числу заблуждений”². Проблема заблуждения, его природы, причин была поставлена вместе с проблемой истины уже в древнегреческой философии. Источник заблуждения усматривался либо в природном несовершенстве познавательных способностей, либо в недостатке образованности познающего субъекта, либо в совместном действии этих факторов.

Но так как понятие заблуждения само по себе вторично, будучи противоположным понятию “истина”, то будет правильным в первую очередь хотя бы кратко охарактеризовать данное понятие, не тормозящее, а благоприятствующее движению науки вперед. Однако прежде чем перейти к анализу научной истины, процитируем самое общее определение этого понятия, которое находим в словаре В. Даля: “Истина – противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо”. В науке, литературе, искусстве обнаруживается значительное число различных трактовок истины.

Назовем некоторые из них. Истина – это соответствие знания действительному положению вещей; это – полезное знание; это – красота; это – справедливость. Первая трактовка – гносеологическая. Она является древнейшей, а потому называется классической. Истина в таком понимании употребляется для характеристики не каких-либо вещей, предметов, явлений, а для мысленных представлений о них, являются ли они истинны-

ми или ложными. В этом смысле классическое определение истины можно встретить у средневекового мыслителя Фомы Аквинского: “Veritas est adaequatio rei et intellectus” (истина есть тождество вещи и представления о ней)³. Применительно к финансово-правовой науке это определение на примере государственного бюджета можно обозначить так: научная истина есть тождество бюджетно-правовой действительности и представления о ней. Например, представление проф. М.И. Пискотина о бюджете как общегосударственном акте, устанавливающем финансовый план государства и соответствующий ему фонд денежных средств, было адекватно реальному бюджету, а потому являлось научной истиной⁴.

Почти через шестьсот лет после Фомы Аквинского понятие истины аналогичным образом сформулировал А. Эйнштейн, который, говоря о человеке, стремящемся к достижению научной истины, писал: “При этом он пытался построить картину, которая дала бы до какой-то степени реальное отображение того, что человеческий разум видит в природе”⁵. Процитированное суждение следует понимать так: то, что утверждается мыслью и имеет место в реальной жизни, есть истина. Известное философское положение о том, что мысль и слово (знание) нераздельны, позволяет следующим образом уточнить определение научной истины: “Научная истина – это то, что утверждается мыслью в форме устного или письменного знания и что соответствует финансово-правовой действительности”. Так, мысленные представления авторов учебника финансового

¹ Профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия.

² Декарт Р. Избр. произв. М., 1950. С. 372.

³ См.: Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2010. С. 169.

⁴ См.: Пискотин М.И. Советское бюджетное право. М., 1971. С. 20.

⁵ Эйнштейн А. Собр. науч. тр. Т. 4. М., 1967. С. 153.

права под редакцией проф. Н.И. Химичевой, отображающие российскую финансово-правовую действительность, обрели телесную (письменную) оболочку в форме истинных знаний, составив его содержание⁶.

Отметим особенности научной истины. Важную роль в получении истинного знания играет сам познающий субъект, так как познаваемый объект может быть исследован правильно, глубоко и объективно при наличии у субъекта развитого интеллекта, не склонного быть односторонним и пристрастным. Познающий субъект, будучи отделен от познаваемого объекта “буферным миром” предшествующих (готовых) знаний, использует как свои умственные способности, так и эти знания, преодолевая ложные мнения авторитетных ученых и добываясь получения знаний, тождественных объективной действительности. Нельзя не обратить внимания еще на одну особенность научной истины. Природа подлинного научного мышления заключается в воле к истине, которая есть воля к истинному знанию. История науки знает своих мучеников, отдавших жизнь и пострадавших, защищая истину: Д. Бруно, М. Сервет, Г. Галилей, в СССР это – профессор финансового права И.Х. Озеров, биологи А.В. Чаянов и Н.И. Вавилов. Воля к истине всепобеждающая. Французский философ М. Фуко писал, что воля к истине – “та, которая давно уже нам себя навязала”⁷.

Ошибочное научное положение, противоположное истине, является заблуждением.

Заблуждение в российской науке финансового права: понятие и виды. Семантика слова “заблуждение” происходит от слова “блуждать” (сбиться с пути, пойти не туда, куда направлялся). Научное понимание понятия “заблуждение” заключается в констатации того, что данное мнение – ошибочное мнение познающего субъекта, искренне верующего в то, что его мнение истинное, правильное. “Заблуждающийся человек нередко искренне верит в то, что он близок к истине”, – писал видный советский ученый-логик Н.И. Кондаков⁸. Наиболее элементарным заблуждением в науке финансового права является смешивание системы финансового права и системы преподавания (курса) финансового права.

Более масштабный пример научного заблуждения – суждение К. Маркса в работе “Критика Гот-

ской программы” о том, что в социалистическом обществе, где не будет частной собственности, исчезнут деньги и товарообмен будет производиться на основе трудовых квитанций⁹. Причины такого заблуждения интересно объяснял французский философ Н. Мальбранш, указывая, что пристрастный кабинетный ум, незнание жизни и воображение – “обильные и неистощимые источники заблуждений и иллюзий”¹⁰.

Приведенные примеры рассказывают о заблуждениях-ошибках, которые есть “не погрешность нашего познания, а ошибка нашего суждения”¹¹. Заблуждение-ошибка есть непреднамеренное несоответствие суждений или понятий объективной действительности. Заблуждения неизбежны в познании, так как перед познающим субъектом (аспирантом, докторантом) всегда стоит область неизвестного, “тьма”, на которую накладываются уже известные, предшествующие знания, а поэтому субъект склонен: 1) принимать частное за целое и наоборот; 2) крайне односторонне освещать исследуемый объект (предмет); 3) поверхностно, не глубоко (по причине отсутствия знаний) исследовать решаемую проблему, делая ошибочные выводы. В целом заблуждения играют негативную роль в развитии научного знания, затормаживая его открытие.

Вместе с тем роль заблуждений-ошибок в истории науки может быть позитивной. Всем известно, что алхимия являлась лженаукой, но именно она в поисках искусственного создания золота привела в Германии в XVIII в. к открытию и производству фарфора. Философ Гегель первым понял заблуждение, имеющее место в науке, как процессуальную категорию, открыв диалектическую связь заблуждения с научной истиной. Иными словами, заблуждение может быть ступенькой по пути к научной истине.

Русский философ Э.Л. Радлов, соглашаясь с тем, что заблуждение, будучи противоположным понятию истины и по содержанию близким к понятию ошибки, полагал, что заблуждение есть широкое родовое понятие: оно включает в себя различные виды заблуждений, как те, которые совершаются человеком, искренне верящим, что он стремится к истине, так и те, которые совершаются человеком преднамеренно, сознательно, обманно. Охарактеризуем различные виды заблуждений, взяв за критерий их выделения основание возникновения.

⁶ См.: Финансовое право. Учеб. / Отв. ред. Н.И. Химичева. М., 2008.

⁷ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 59.

⁸ См.: Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 177.

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М., 1961. С. 17–19.

¹⁰ Мальбранш Н. Разыскание истины. Т. 1. СПб., 1903. С. 285.

¹¹ Локк Д. Избр. философские произв. Т. 1. М., 1960. С. 683.

Авторитетное мнение. Чаще всего встречаются заблуждения, характерные для всех людей, занимающихся научными исследованиями, но преимущественно для молодых ученых (магистрантов, аспирантов), возникающие на основе веры в авторитетные положения видных ученых. Корень таких заблуждений уходит в детские и подростковые годы, когда ум детей воспринимает от своих родителей положения и идеи, которые укореняются настолько прочно, что совершенно невозможно вырвать эти идеи из их головы. Став взрослыми и поступив в аспирантуру или докторантуру, эти люди уже вследствие привычного подчинения авторитету родительского мнения охотно используют, не сомневаясь в них, научные положения авторитетных авторов, хотя эти положения могут оказаться ошибочными. К заблуждению такого рода следует отнести общепринятое размещение раздела о финансово-правовом регулировании денежного обращения на периферии учебного материала. С подлинно научной точки зрения данный материал, который в научной литературе правильно называют эмиссионным правом, располагается в авангарде Особенной части. При таком подходе соблюдается историческая, дидактическая и фактическая логика изложения финансово-правового материала в системе его преподавания. Действительно, с выпуска денежных знаков, организации их обращения, их регулирования начиналась и начинается до настоящего времени финансовая деятельность любого государства.

Давление идеологии. Это – система ложных суждений, образующихся в процессе научной деятельности, но под давлением внешних обстоятельств, таких как политика, религия, идеология. Известно, какое отрицательное воздействие в СССР на мышление историков, биологов, юристов оказала марксистско-ленинская идеология. Такое воздействие оказывалось и на науку финансового права. В СССР возвеличивалась плановая экономика и отвергалась или принижалась роль таких категорий, как “деньги”, “рынок”, “финансовый рынок”, “конкуренция”. На заседаниях кафедр, где обсуждались кандидатские и докторские диссертации, перед их рекомендацией к защите отдельные положения признавались немарксистскими и их предлагали убрать, другие научные положения оценивались как недостаточно марксистские, и следовало часто коллективная команда усилить их положениями из трудов классиков марксизма-ленинизма. По мнению философа И.Г. Фихте, истинные научные идеи и новые положения можно разрабатывать на основе знаний, собранных и используемых свободно, по внутренней необходимости.

Научный вымысел. В истории науки имеют место заблуждения, возникающие в форме научного вымысла и являющиеся результатом воображения, неглубокого знания практической жизни и путаного мышления. Отсюда различные утопические проекты, касающиеся как государственной жизни в целом, так и отдельных ее сторон. На этот вид заблуждений обратили внимание философы Б. Спиноза и Ф. Бэкон. По словам Б. Спинозы, чем меньше люди знают жизнь (природу) и психологию других людей, “тем им легче многое вымышлять”¹². Ф. Бэкон такой вид заблуждений называл идолами или “призраками”¹³. “Призрак” в науке есть такое состояние человека, который, находясь в ясном сознании и здравом уме, может на основе богатой эрудиции и софистических размышлений, с помощью воображения “увидеть”, “услышать”, “физически ощутить” то, что на самом деле не может существовать, но его собственные выводы таковы: “такое существовать может”. Так, известный французский теоретик анархизма Прудон полагал возможным создание социалистического общества посредством проведения экономических реформ через организацию безденежного обмена товаров и беспроцентного кредита с сохранением частной собственности, в условиях отсутствия государства и права¹⁴. Несмотря на то что взгляды Прудона были явным заблуждением, он имел большое число сторонников во многих странах мира, в том числе в России.

Другой пример утопического мышления, более близкий современной науке финансового права. Некоторые ее представители в течение длительного времени пропагандировали и пропагандируют до настоящего времени идею принятия либо Кодекса о финансах (Е.А. Ровинский), либо федерального закона “О финансах” (О.Н. Горбунова), в каждом из которых можно было бы закрепить общие положения и принципы, лежащие в основе финансовой деятельности государства¹⁵. Идеи эти возникли в эпоху тоталитарного СССР с его неподвижной дефицитной плановой экономикой и, возможно, могли быть реализованы в правление Н.С. Хрущева или Л.И. Брежнева. Но в эпоху рыночного хозяйства с его подвижными финансами и непредсказуемой в отдельные периоды экономикой подобный закон мог только мешать

¹² Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума. Одесса, 1893. С. 31.

¹³ Бэкон Ф. Соч. Т. 2. М., 1978. С. 18–27.

¹⁴ См.: Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1915. См. также: Семенов В.Ф. Мелкобуржуазная экономика и мелкобуржуазный социализм. М. – Л., 1926.

¹⁵ См.: Горбунова О.Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России. М., 2012. С. 154.

Российскому государству осуществлять эффективно финансовую деятельность.

Одностороннее понимание. Крайне одностороннее понимание объекта (предмета) познания представляет собой один из примеров заблуждения в науке. Гносеологическим корнем данного заблуждения являются абсолютизация, “раздувание”, “распухание” одного из аспектов объекта исследования¹⁶. Так, в науке финансового права понятие налоговой системы, которое было введено в российское законодательство Законом РФ “Об основах налоговой системы Российской Федерации” от 27 декабря 1991 г.¹⁷, трактовалось весьма односторонне: как совокупность налогов, сборов, пошлин и других платежей, взимаемых в установленном порядке. В таком формате налоговая система определялась видными российскими и украинскими учеными: Г.В. Петровой, Н.П. Кучерявенко и др. “Налоговая система, – писала проф. Г.В. Петрова, – это совокупность налогов, сборов, пошлин и других платежей, взимаемых в установленном порядке с плательщиков – юридических и физических лиц на территории страны”¹⁸. Заблуждение авторов Закона о налоговой системе и ученых юристов-финансистов, определявших рассматриваемое понятие аналогичным образом, заключалось в том, что они частное принимали за целое. На самом деле система налогов, сборов и пошлин составляет только одну из частей налоговой системы. Позже в научной литературе было сформулировано более объективное, широкое и приближающееся к научной истине определение налоговой системы, включавшее в себя: 1) налоговую платежеспособность населения; 2) систему установленных законом налогов и сборов; 3) налоговую администрацию; 4) применяемые государством методы налогообложения¹⁹.

Односторонность в познании обусловлена узостью мышления познающего субъекта, недостатком знаний по предмету исследования, не свободным от страстей или предвзятости умом. На первое место, думается, следует поставить узость или отсутствие широты ума. “Широкий ум рассматривает разные существа в их взаимных отношениях: с одного взгляда охватывает предмет со всеми его ответвлениями; возводит последние

к общему источнику и центру, а потом изучает с единой точки зрения. Он, наконец, проливает свет на многие важнейшие вопросы и пространственные области”²⁰, – оценивал “широкий ум” французский моралист Вовенарг.

Подмена категории или тезиса. Нельзя пройти мимо заблуждения в научных исследованиях, которое в логике называется “подменой категории или тезиса” (лат. *ignoratio elenchi*). Суть данного заблуждения заключается в следующем: выбрав тему кандидатского исследования и приступив к изложению собранного материала, диссертант, не сознавая своей ошибки, отходит от темы и обосновывает положения, сходные с предметом исследования внешне, но не сходные по существу. Пример: тема диссертации – “Финансово-правовой статус таможенных органов Российской Федерации”, но в черновом виде диссертации автор обосновывал административно-правовой статус таможенных органов. Получается, как в комедии А.С. Грибоедова, “шел в комнату, попал в другую”. Если же говорить прямо, то автор действительно заблудился и работу необходимо переделывать.

Необъяснимая Общая часть. Деление системы финансового права на Общую и Особенную части необходимо отнести к концептуальным заблуждениям в науке финансового права. Традиция подразделять отрасль права на такие части идет от аналогичного подразделения уголовного и гражданского права. Однако в этих отраслях Общая часть нормативна по содержанию, и ее нормы применяются в сочетании с нормами Особенной части. Обратим внимание также на такую деталь. Деление системы уголовного и гражданского права на Общую и Особенную части есть чисто технический прием, который помогает лучше обозреть систему, кодифицировать и применять правовые нормы. Это, как писал О.И. Иоффе, “прием не социальный, а сугубо технический. Он сводится единственно и исключительно к тому, что в этом случае как бы выносятся за скобки общие положения, свойственные всем или подавляющему большинству норм, которые объединяются в данном кодексе или своде”²¹.

Ничего подобного в финансовом праве мы не видим. Интересно, что когда в СССР вышел первый учебник финансового права (М., 1961), в котором его содержание подразделялось на Общую и Особенную части, то это почти сразу

¹⁶ См.: Украинская советская энциклопедия. Т. 4. Киев, 1959. С. 53.

¹⁷ См.: Ведомости Верховного Совета РФ. 1992. № 11. Ст. 527.

¹⁸ Петрова Г.В. Налоговая система // В кн.: Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 566, 567.

¹⁹ См.: Бельский К.С. Налоговая система: генезис, основные элементы, принципы // Гос. и право. 2006. № 9. С. 55.

²⁰ Вовенарг Л. Введение в познание человеческого разума. Л., 1988. С. 18.

²¹ Вопросы кодификации советского права. Вып. 1. Л., 1957. С. 31.

вызвало протест. В своей рецензии на данный учебник доц. М.Л. Коган весьма здраво писал: “Нельзя согласиться с мнением авторов о том, что существует Общая и Особенная части советского финансового права как отрасли права, поскольку в Общей части учебника рассматриваются не какие-то особые правовые нормы, а лишь общие принципы правового регулирования финансовых отношений в СССР, предмет финансового права, особенности финансово-правовых норм и отношений, вопрос о системе и источниках финансового права, основных этапах развития советского финансового права и т.д.”²². Написано несколько сбивчиво, но глубоко правильно.

В этом высказывании можно выделить два аспекта. Первый: в системе финансового права “общих норм” или “норм общего характера”, которые якобы образуют Общую часть, мало, почти нет. Все они прибраны и находятся в составе соответствующих подотраслей и правовых институтов. Достаточно указать на ст. 6 Бюджетного кодекса РФ и ст. 8 Налогового кодекса РФ, в которых содержатся дефинитивные нормы. Когда читаешь у теоретиков финансово-правовой науки о нормах Общей части, то видишь невнятные фразы. Чувствуется, что авторам просто нечего сказать.

Подобного мнения об Общей части системы финансового права придерживается проф. Д.В. Винницкий, указывая на “чрезвычайную бедность его общих положений (Общей части)”²³. Отсюда вывод: система финансового права складывается исключительно из его подотраслей и правовых институтов. Общие положения какой-либо подотрасли финансового права неотделимы от ее основы. Они играют заметную роль не вне подотрасли, а внутри нее, придавая рядовым нормам смысл и связывая их в единое целое.

Второй аспект: правильнее говорить, что Общая часть выделяется не тогда, когда выстраивается система финансового права, а когда речь идет о системе преподавания финансового права, где метод классификации имеет дело уже не с нормами, но со знаниями о них. Широта и богатство системы финансового права проявляются прежде всего в том, что в системе преподавания финансового права выделяется и конструируется особо ценная область финансово-правовых знаний, которую в учебниках принято называть Общей, или пропедевтической, частью этих

знаний. Такое выделение основано не прямо на нормативно-правовом материале, а представляет собой прием теоретико-дидактический и эпистемологический. Этот прием сводится к тому, что на основе наивысшего обобщения норм финансового права и объективной финансово-правовой реальности обосновываются такие категории, как “деньги”, “финансы”, “финансовая деятельность государства”, “финансовая система”, “финансово-правовые акты”, “норма финансового права”, “финансовые правоотношения” и т.д. Это – фундаментальные категории, как правило, не нормативные, но отражающие в целом дух и специфику финансового права как отрасли права. В философии такие категории называют ненаблюдаемыми объектами.

Общая часть системы преподавания финансового права, концентрирующая теоретические и пропедевтические (подготовительные) знания, помогает студентам глубже понимать и запоминать разделы Особенной части учебника: эмиссионное право, налоговое право, бюджетное право и т.д. Более того: общая часть системы преподавания имеет целью приобщение студентов к научной деятельности. Не лишне напомнить, что деление учебного материала на Общую и Особенную части как дидактико-пропедевтический прием использовался авторами юридических учебников в дореволюционной России начиная с XIX в., так как он облегчал студентам процесс усвоения знаний.

Заблуждение, если оно совершается в поисках научной истины и познающий субъект искренне верит в то, что делает, – это безгрешное и нравственно ненаказуемое деяние. Любой ученый имеет право на такое заблуждение. Но от “безгрешного” заблуждения нужно отличать заблуждение преднамеренное, акт “греховной свободной воли” познающего субъекта. Философ Э.Л. Радлов, характеризуя этот вид заблуждения, очень тонко заметил, что оно “глубже коренится в душе человека и более сознательно, чем ошибки”²⁴. В заблуждении-обмане проявляется не “воля к истине”, а “заинтересованное мышление” познающего субъекта, решающего не научные задачи, но собственные практические. Примером подобного заблуждения являлся перенос видным советским ученым юристом-финансистом Е.А. Ровинским в процессе повторной защиты докторской диссертации института финансового контроля из Особенной части системы финансо-

²² Коган М.Л. Рец.: Советское административное право. М., 1961 // Сов. гос. и право. 1962. № 8. С. 134, 135.

²³ Винницкий Д.В. Российское налоговое право. СПб., 2003. С. 93.

²⁴ Радлов Э. Заблуждение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 23. СПб., 1890. С. 88.

вого права и системы учебного материала в часть Общую (теоретическую).

Казус профессора Е.А. Ровинского. Е.А. Ровинский – видный ученый в науке финансового права 40–70-х годов XX в. Его научная и преподавательская деятельность пришлась на время, когда трудности и проблемы данной науки остались позади. В 1940 г., работая научным сотрудником в Институте права АН СССР, Е.А. Ровинский защитил кандидатскую диссертацию на тему “Предмет советского финансового права” и опубликовал ряд статей в журнале “Советское государство и право”, а также в других журналах и юридических сборниках. В 1953 г. в соавторстве с доц. М.Д. Гурвичем издал работу “Лекции по советскому финансовому праву” и в 1955 г. представил в диссертационный совет Московского государственного университета докторскую диссертацию на тему “Основные вопросы теории советского финансового права”.

Читая автореферат докторской диссертации Е.А. Ровинского сегодня, надо отдать дань справедливости интеллекту и эрудиции автора. Работа написана на высоком теоретическом уровне. Автор осуществил синтез всего нового в области теории финансового права, что появилось в трудах ученых за годы советской власти: сформулировал определение системы советского финансового права и разделил ее на Общую и Особенную части, включив в первую принципы и правовые формы финансовой деятельности, а во второй определив основные части – правовые институты бюджетного права, налогового права, государственного кредита, денежной системы, финансового контроля; обосновал и дал развернутую характеристику финансовым правоотношениям; провел и обосновал границу между финансовым правом как отраслью права и финансовым правом как наукой²⁵.

Защита, однако, проходила в чрезвычайно напряженной обстановке. По воспоминаниям современников, присутствовавших на защите, полемические страсти были накалены до предела, и оппоненты, как официальные, так и неофициальные, “просто ели друг друга”. Особенно неприятными для диссертанта были выступления проф. М.Д. Загряцкова, доцентов А.М. Гурвича и Н.И. Магида. По их мнению, существенные недочеты докторской диссертации Е.А. Ровинского проявились в неполноте доказательств при обосновании финансового права как самостоя-

тельной отрасли права и недостаточности теоретических конструкций при построении Общей части данной отрасли; в одностороннем понимании финансовой деятельности государства как исключительно финансовой и в игнорировании ее как управленческой категории. Болезненным для диссертанта был также упрек в отсутствии монографической работы по теме диссертации. Голосование членов Диссертационного совета по результатам защиты было положительным, и Совет принял решение о присуждении Е.А. Ровинскому ученой степени доктора юридических наук, но ВАК, учитывая серьезность замечаний, сделанных по ходу защиты, не признал решение Совета правильным.

Почти сразу же после пережитой неудачи Е.А. Ровинский начал готовиться к повторной защите. В 1957 г. он издает учебное пособие “Советское финансовое право”, а в 1960 г. выходит в свет монографическое сочинение по теме диссертации “Основные вопросы теории советского финансового права”. Диссертация была обновлена, замечания, с которыми Е.А. Ровинский согласился, учтены и исправлены, кроме одного. Оно касалось козырного положения в теоретических построениях докторской диссертации Е.А. Ровинского, которое доказывало, что советское финансовое право есть самостоятельная отрасль права, работающая рядом с административным, гражданским, государственным и другими отраслями права. К тому же наиболее резко выступавшие на защите оппоненты говорили, что выдвигаемая диссертантом идея Общей части финансового права по числу входящих в нее теоретических конструкций мала. Замечание было особенно ранимым для автора докторской диссертации. Но для его исправления запас научных аргументов казался исчерпанным. И доц. Е.А. Ровинский делает своеобразный шаг: институт финансового контроля, завершавший Особенную часть докторской диссертации 1955 г., переносит в Общую (теоретическую) часть обновленной диссертации, увеличивая эту часть в объеме и снимая одно из наиболее трудных замечаний. При этом автор не объясняет, не доказывает, на каком основании классический правовой институт Особенной части, имеющий исключительно практическую направленность, располагается в теоретической части²⁶.

Смерть проф. М.Д. Загряцкова в 1957 г., затем М.А. Гурвича в 1960 г. (главных критиков док-

²⁵ См.: Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1955. С. 12–14, 19–25.

²⁶ См.: Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1961. С. 316–335.

торской диссертации Е.А. Ровинского на защите 1955 г.) создавала ситуацию, ускорявшую повторную защиту. Она состоялась в том же Диссертационном совете юридического факультета Московского университета в 1961 г. и прошла весьма успешно. Но факт успешной защиты докторской диссертации Е.А. Ровинским по прошествии почти 50 лет обязывает задать сакраментальный вопрос: являлся ли перенос совсем не теоретического правового института, каким являлся и является финансовый контроль, в Общую (теоретическую) часть системы финансового права оправданным с точки зрения поисков научной истины или это был экспромт – маневр, обеспечивший в конечном счете успешную защиту? В науке не существует срока давности и отсутствует категория “смягчающие обстоятельства”. Думается, что в описанной ситуации поисков научной истины не было.

Во-первых, финансовый контроль (по-другому, финансово-контрольное право) есть организованная совокупность правовых норм, регламентирующих деятельность органов финансового контроля. Вот как характеризует систему органов контрольной власти один из ведущих ученых-компаративистов проф. В.Е. Чиркин: “Специфика контрольной власти состоит в том, что она имеет комплексный, совокупный характер и осуществляется комплексом профильных органов, объединенных общей, целевой установкой”²⁷. Иными словами, правовые нормы финансово-контрольного права как подотрасли финансового права регулируют практическую деятельность финансово-контрольных структур и устанавливают формы и методы их деятельности. В системе теоретических знаний финансовый контроль (деятельность Счетной палаты, аудита, бухгалтерского учета) занимает не свое место и выглядит чужеродным телом. В то же время Особенная часть без финансового контроля лишается своей целостности, а финансовый контроль без своего естественного места в Особенной части теряет значимость в финансовой деятельности государства.

Во-вторых, финансовый контроль, будучи частью финансовой деятельности, занимает в ней арьергардное место, констатируя состояние дел, выявляя недостатки и правонарушения. Видные теоретики и практики управления (Ф. Тайлор, Г. Форд, А. Файль, В. Терещенко, В.Г. Афанасьев) указывали на контроль как на завершающую стадию управления. В этом вопросе обнаруживается единое мнение – *consensus omnia* (согласие

всех). В таком же духе финансовый контроль трактуется Лимской декларацией как деятельность, основанная на уже имеющемся опыте, проверяющая этот опыт по его результатам и являющаяся завершающим циклом в государственном управлении финансами²⁸.

В-третьих, мнение Е.А. Ровинского об институте финансового контроля предопределило его место в системе как финансового права, так и преподавания данной дисциплины, указав это место в теоретической части и, таким образом, исказив сущностную (онтологическую) природу финансового контроля и нарушив логическую последовательность в изложении учебного материала. Без преувеличения отметим, что в новом статусе институт финансового контроля терял свои мнемонические качества и выпадал из памяти студентов. Другими словами, размещение финансового контроля в Общей части ухудшало дидактику учебников финансового права, которые издавались в нашей стране с начала 60-х годов XX в. и издаются в таком же изложении до настоящего времени. Данное заблуждение можно также признать концептуальным.

Финансовый контроль в Общей части учебного материала: его сторонники в прошлом и настоящем. В 1961 г. Е.А. Ровинский под своей редакцией издает учебник финансового права, в котором финансовый контроль впервые располагался в Общей (теоретической) части. Рецензентами учебник был оценен положительно, на “перенос” не обратили внимания²⁹. В 60–70-х годах Е.А. Ровинский – один из немногих профессоров в СССР, специализировавшийся в области финансового права, и, несомненно, авторитетных, а потому его влияние на ученых и преподавателей по своему “цеху” весьма значительно. К тому же в стране, где партийная власть настороженно относится к “индивидуальным умам” и, как правило, любит выстраивать ученых в колонну, “перенос” постепенно воспринимается как правильный, и все другие авторы учебников финансового права подгоняются к общему строевому шагу. В 1969 г. редакторам учебника финансового права (М., 1967) доцентам В.В. Бесчеревных и С.Д. Цыпкину в рецензии доцентов С.М. По-

²⁸ См.: Лимская декларация ИНТОСАИ об основных принципах государственного финансового контроля // В кн.: Правовое регулирование государственного финансового контроля в зарубежных странах. Аналитический обзор и сборник нормативных документов / Сост. С.О. Шохин, В.И. Шлейникова. М., 1998.

²⁹ См.: Советское финансовое право / Отв. ред. Е.А. Ровинский. М., 1961. Рецензии: *Магид Н.И.* // Правоведение. 1962. № 3; *Коган М.Л.* // Сов. гос. и право. 1962. № 8.

²⁷ Чиркин В.Е. Контрольная власть // Гос. и право. 1993. № 4. С. 12.

таповой и Э.Д. Соколовой была прочитана нота-ция за то, что в их работе финансовый контроль находился не на своем месте, а занимал тради-ционное место, завершая в Особенной части выстроившиеся финансово-правовые институты. Рецензенты писали: “Вызывает сомнение опре-деление объема Общей части курса. По нашему мнению, здесь следовало бы дать и вопросы финансового контроля в СССР. В Общей части изучается финансовая деятельность Советского государства, от которой неотделим финансовый контроль”³⁰.

В 70-х годах структура, содержание, теоре-тическая (Общая) и подотраслевая (Особенная часть) унифицируются и в таком качестве пере-живают советское время и работают в постсовет-ское. Интересно, что в настоящее время, когда в отдельных работах пересматривается позиция Е.А. Ровинского по вопросу о месте финансо-вого контроля в системе финансового права и в системе его преподавания, снова, почти через сорок с лишним лет, мы слышим знакомый голос проф. Э.Д. Соколовой с теми же мыслями. В мо-нографической работе “Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муни-ципальных образований” она пишет: «В свое время в учебнике “Финансовое право” (под ред. В.В. Бесчеревных и С.Д. Цыпкина) финансовый контроль выделялся в самостоятельный раздел, заключающий курс финансового права. Это не получило поддержки со стороны некоторых представителей науки финансового права»³¹. Если автор этой цитаты знает историю отече-ственной науки финансового права, то он написал лукаво.

До повторной защиты Е.А. Ровинским доктор-ской диссертации в 1961 г. все учебники финансо-вого права, учебные пособия и монографические сочинения, как дореволюционные, так и совет-ские, излагали финансовый контроль в заключи-тельной части. Знакомство с фундаментальным учебником финансового права проф. С.И. Иловай-ского, изданным в 1912 г., свидетельствует о том, что финансовому контролю посвящена послед-няя глава – VI³². В учебнике “Финансовое право СССР” проф. С.А. Котляревского, изданном в 20-е годы XX в., финансовый контроль завершает

изложение материала³³. Такого же мнения о месте финансового контроля придерживались авторы советских учебников финансового права, выхо-дивших с 1940 по 1954 г. Не составлял исключе-ния по данному вопросу и сам Е.А. Ровинский, поменяв свои позиции накануне повторной защи-ты докторской диссертации. Можно полагать, что изложение учебного материала в современном учебнике финансового права не может отступать от этого правила, указывающего на естественное место финансового контроля. Оптимальная си-стема изложения материала в учебнике финансо-вого права с учетом финансового контроля может быть следующей. Правовые нормы, отражающие специфику проведения финансового контроля в налоговой, бюджетной и иной сфере финансовой деятельности, сохраняются в соответствующих подразделах Особенной части. Правовые нормы, устанавливающие основы финансового контроля (виды и органы, его осуществляющие; формы и методы проведения; аудиторская деятельность) и образующие самостоятельную подотрасль фи-нансового права, завершают Особенную часть и курс в целом.

Заканчивая настоящую статью, отметим: вы-зывает удивление феномен, возникший в истории отечественной науки финансового права в проме-жутке между 1955–1961 гг., когда один человек в собственных интересах кардинально перестраи-вает систему финансового права (и систему пре-подавания), а весь профессорско-преподаватель-ский состав, работающий на ниве финансового права, молча соглашается с этой метаморфозой, наглядно расходящейся с научной истиной. По-добный феномен объясняли многие философы, но послушаем двух великих и серьезных мысли-телей – Лейбница и Гёте.

Вот что писал Лейбниц: “Все люди подверже-ны заблуждению, но помимо этого, если бы мы могли видеть тайные побуждения, влияющие на ученых..., то, думаю я, мы часто нашли бы что угодно, но только не чистую любовь к истине. Во всяком случае нет столь нелепого мнения, ко-торое нельзя было бы принять на этом основании, так как нет такого заблуждения, которое не имело бы своих сторонников”³⁴. В этих словах две со-ставляющие.

Первая: в науке имеют место заблуждения, действительный источник которых находится не в поисках научной истины, а в получении прак-

³⁰ Потапова С.М., Соколова Э.Д. Рец.: Советское финансо-вое право / Отв. ред. В.В. Бесчеревных и С.Д. Цыпкин. М., 1967 // Правоведение. 1969. № 4. С. 124.

³¹ Соколова Э.Д. Правовое регулирование финансовой дея-тельности государства и муниципальных образований. М., 2009. С. 247.

³² См.: Иловайский С.И. Учебник финансового права. Одес-са, 1912. С. 454–599.

³³ См.: Котляревский С.А. Финансовое право СССР. Л., 1926. С. 143–146.

³⁴ Лейбниц Н.В. Новые опыты о человеческом разуме. М. – Л., 1936. С. 458.

тической выгоды для своего “эго”. Вторая: даже нелепые заблуждения в науке могут иметь многочисленных сторонников.

Послушаем Гёте, выдающегося немецкого поэта, занимавшегося одновременно научными изысканиями в области естествознания, но хорошо знавшего научную среду: “Для большинства людей наука – это то, что дает им средства к жизни, и что они склонны преклониться даже перед заблуждением, если оно обеспечивает им существование”³⁵. По существу, Гёте, живший на сто лет позже, чем его предшественник Лейбниц, сказал то же самое.

³⁵ Цит. по: *Эккерман И.П.* Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М. – Л., 1934. С. 1825.

Заблуждение, относительно подробная характеристика которого была сделана в этой статье, сохраняется в отечественной науке финансового права более 60 лет. Современный профессорско-преподавательский корпус, работающий в этой области, ведет себя достаточно инертно. Его вполне устраивает логика расположения финансово-правового материала в учебниках финансового права. Впрочем, такое состояние не должно удивлять. Ведь старшее поколение верило многие десятилетия в более масштабное заблуждение – в коммунизм. И ничего – чувствовало себя превосходно. Прав был древнеримский поэт Лукан, сказавший про людей: “Они счастливы в своих заблуждениях”.